

ступая по дорогам Маслов — Завий и Загвоздь — Пустолле, захватила большую часть Черного леса. Но уже 5 июня эта дивизия ушла из лесов.

В связи с вышесказанным, особый интерес вызывает тот факт, что с конца 1942 года в связи с успешным продвижением частей Красной Армии на Запад и освобождением ряда районов западных областей Украины, украинские националистические элементы принимают мероприятия по соглашению с немецкими оккупационными властями.

Немцы же, в свою очередь, охотно идут на такие соглашения в целях использования националистов в своих интересах для подрывной, диверсионной и террористической деятельности в тылу наступающей Красной Армии. В декабре 1943 г. между представителями бандеровцев и немецкого командования произошли две встречи.

Немцы перед националистами поставили два условия:

1. Прекратить вооруженную борьбу друг с другом.
2. Взамен оружия помогать немцам продовольствием, скотом, лошаадьми.

Бандеровцы согласились на эти условия и потребовали от немцев освобождения захваченных националистов, которые и были освобождены. На основании этого соглашения между бандеровцами и немцами произошел ряд обменов оружия на продовольствие [2, с.20].

Характерным примером согласованности в действиях между немцами и националистами является факт замены 13.01.1944 г. немецкого гарнизона в г. Камень-Каширский.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что взаимоотношения между украинскими националистами и немецкими оккупационными властями были очень противоречивыми: от открытого конфликта до прямого сотрудничества. Такую противоречивость можно объяснить ничем иным, как попыткой использовать друг друга в своих интересах.

Немцы не случайно пошли на сотрудничество с националистами именно в тот момент, когда начали терпеть поражение на восточном фронте. Тогда они увидели в УПА союзника в борьбе с советскими партизанами и Красной Армией. Националисты, в свою очередь понимали, что в будущем основным врагом в борьбе за самостоятельность будет сталинский режим. Поэтому, они рассматривали немцев как временных союзников, которые со временем уйдут, старались использовать их военно-технический потенциал для наращивания своего движения.

1. Каченко С.Н. Повстанческая армия (Тактика борьбы)/Под общ. ред. А.Е.Тараса/ Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. -512 с.

2. Сергийчук В. ОУН-УПА в роки війни: Нові документи і матеріали. Київ, 1996. 496 с.

К ВОПРОСУ О ПРЕБЫВАНИИ ГИТЛЕРА В БЕЛАРУСИ

Э.Г. Иоффе

г. Минск, БГПУ им. М. Танка

К сожалению, в истории Беларуси периода Великой Отечественной войны до настоящего времени немало “белых пятен”. Одно из них — пребывание на белорусской земле фашистского диктатора Германии, главного нацистского военного преступника, президента и канцлера Германии, главнокомандующего вермахтом, одного из главных организаторов массового уничтожения мирного населения, военнопленных, зверств, осуществленных фашистами в оккупированных странах и особенно на захваченной территории СССР, в том числе в Беларуси, Адольфа Гитлера.

Когда автор этих строк пытался узнать, известно ли это нашим землякам, большинство из них, даже доктора наук и профессора, отвечали мне вопросом на вопрос: “А что, разве Гитлер был в Беларуси?”. И я отвечал: “Был, и не один раз”.

А теперь вместе с вами перенесемся в 1941-й год.

Несмотря на отчаянное сопротивление частей Западного фронта, в августе 1941 года немцы полностью оккупировали белорусскую землю.

Еще раньше (27 июля 1941 года) в штаб-квартире командующего группой армий "Центр" генерал-фельдмаршала Федора (Геодора) фон Бока в городе Борисове созвали совещание командующих армиями, на котором был зачитан приказ главнокомандующего сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршала Вальтера фон Браухича.

Суть его сводилась к тому, что какое-либо немедленное наступление на Москву или даже на Брянск исключалось. В качестве ближайшей задачи была поставлена окончательная ликвидация нашей 3-й армии, которая группировалась вокруг Гомеля. Это, по существу, означало, что 2-я танковая группа генерала Гудериана должна была повернуть более чем на 90 градусов и наступать в юго-западном направлении.

Приказ Браухича вызвал недоумение и недовольство среди многих военнослужащих вермахта. Последовали телефонные звонки Гитлеру с просьбой разъяснить ближайшие задачи немецких войск на Восточном фронте. В то же время сам Браухич обратился к фюреру по поводу положения у фон Бока, прося помочь центральной группировке.

Обеспокоенный положением дел, Гитлер отправляется на фронт к фон Боку.

Автору этих строк удалось познакомиться с воспоминаниями адъютанта Гитлера Николауса фон Белова, которые вышли в Майнце в 1980 году. В них есть такие строки: "Командование сухопутных войск и, как оказалось, командование армейской группы "Центр" придерживалось в отношении дальнейших операций воззрений, которые не разделялись Гитлером. Споры по этому поводу еще не успели разгореться по-настоящему, когда в конце июля Гитлер в связи с болезнью в течение нескольких дней совершенно не принимал участия в делах. Официально замалчивали, что он не выходил к общему столу и не принимал участия в оперативках. Но ясно было видно, что чувствует он себя неважно. Доктор Моррель намекал, что дело идет, возможно, о легком ударе. Сердце и кровообращение не в порядке, но ему удастся в короткий срок вернуть фюреру его прежнюю дееспособность. В самом деле, через несколько дней мы заметили улучшение. О заболевании Гитлера нам было строго приказано молчать... 3 августа (1941 г.-Э.И.) мы прилетели к фельдмаршалу фон Боку в Борисов, где размышлялось верховное командование армейской группой "Центр", и встретились там с Браухичем и Гальдером. Гитлер вел подробные беседы с этими генералами. На первом плане в беседах стояли такие вопросы, как анализ положения русских, военная мощь противника и размеры территории. Браухич, Бок и Гальдер упорно настаивали на том, что у армейской группы "Центр" есть только одна цель - взятие Москвы. Они были оптимистически настроены и в том смысле, что этого можно добиться после некоторых перегруппировок и довооружений еще до начала неблагоприятного времени года. Точка зрения Гитлера была иной. Он сослался на свою еще до начала восточного похода неоднократно высказанную точку зрения о том, что надо остановиться за Смоленском, силами же армейской группы "Юг" взять Ростов. Его намерением было из этих двух пунктов повести наступление на Москву таким образом, чтобы наступательные клинья сошлись восточнее Москвы. В ходе продолжительной дискуссии не пришли ни к какому решению..."¹

У автора этих строк нет оснований обвинять адъютанта Гитлера в искажении фактов. Один только факт можно поставить под сомнение. Речь идет о дне прибытия Гитлера в Борисов — 3 или 4 августа. Может Н. фон Белов запомнил день? Может, это было 4 августа 1941 года, а не 3 августа того же года?

В то же время, по другим источникам, совещание высшего командного состава вермахта в Борисове с присутствием Гитлера произошло 4 августа 1941 года. Так, в книге Л. Безыменского "Германские генералы - с Гитлером и без него" говорится: "Обеспокоенный положением дел, Гитлер отправляется на фронт к фон Боку. Маленький белорусский городок Борисов, в котором расположился штаб Бока, 4 августа заполняют автомашины со штандартами командующих армий и групп. Пред очей фюрера вызывают Гудериана, Гота. Из ставки прибывает неразлучная пара — Кейтель и Йодль. Браухича и Гальдера представляет начальник оперотдела генштаба полковник Хойзингер. Гитлер выслушивает доклады генералов, которые высказываются за

немедленный (15— августа — Э.И.) марш на Москву. Но Гитлер отвечает им, что в настоящее время “важнее” Ленинград и Украина”².

На 4 августа 1941 года как на дату совещания в Борисове указывает известный английский историк Алан Кларк в своей книге “Барбаросса. Русско-германский конфликт 1941— 1945 годов”, изданной в 1965 году³.

И, наконец, в нашем распоряжении имеется очень авторитетный источник. Среди секретных документов Гитлера и верховного командования вермахта сохранилась стенограмма “Беседы по случаю присутствия фюрера и верховного главнокомандующего вооруженными силами в штабе группы армий “Центр” 4 августа 1941 года”.

Совещание в Борисове 3 августа 1941 года было связано с необходимостью принятия новых решений о проведении операций вермахта на Восточном фронте. Под Смоленском немецкие войска были вынуждены перейти к обороне, но Гитлер искал пути достижения целей войны до наступления зимы. Предложенный главнокомандованию сухопутных войск план действий на северном и южном флангах Восточного фронта, по мнению Браухича, Гальдера и Бока, не был лучшим. В результате дискуссии планы ведения войны против СССР изменений не претерпели.

Можно предположить, что Адольф Гитлер прилетел в Борисов 3 августа во второй половине дня или вечером. Совещание же, скорее всего, началось 4 августа 1941 года утром.

В то же время мы не можем пренебрегать таким ценным источником, как собственноручные показания начальника личной охраны Гитлера группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции Ганса Раттенхубера от 28 ноября 1945 года: “...за исключением совместного вылета на фронт с Муссолини (в августе 1941 года — Э.И.), все остальные поездки Гитлера были проведены неожиданно и поэтому никакие подготовительные охранные мероприятия проведены не были, тем более, что Гитлер приезжал на фронт не больше, чем на несколько часов (курсив мой - Э.И.). По прибытии Гитлера местные органы СД немедленно принимали все необходимые меры по его охране...”⁴.

Далее слово непосредственным участникам совещания в Борисове. Вот что вспоминал командующий 2-й танковой группой генерал Гудериан: “Совещание с участием Гитлера происходило в городе Борисов, где находился штаб группы армий “Центр”. Присутствовали: Гитлер, Шмундт (полковник службы генерального штаба - Э.И.), фельдмаршал фон Бок, Гот (командующий 3-й танковой группой - Э.И.) и я, а также представитель ОКХ - начальник оперативного отдела полковник Хойзингер. Каждому участнику совещания представили возможность по очереди высказать свою точку зрения таким образом, что никто не знал, о чем говорил предыдущий участник совещания. Все генералы группы армий “Центр” высказались за то, чтобы продолжать наступление на Москву, имеющее решающее значение. Гот заявил, что его танковая группа может начать наступление не раньше, чем с 20 августа. Я заявил, что буду готов к 15 августа. Затем в присутствии всех участников совещания выступил Гитлер. Он заявил, что его первой целью является индустриальный район Ленинграда. Вопрос о том, наступать ли затем на Москву или на Украину, окончательно еще не был решен. Сам Гитлер был склонен начать с наступления на Украину... Затем совещание перешло к разбору отдельных вопросов... В получении новых танков нам вообще было отказано, так как Гитлер предназначал все новые танки для новых танковых соединений, формирующихся в Германии. При обсуждении этого вопроса я указал Гитлеру на то обстоятельство, что русские имеют большое превосходство в танках, которое будет увеличиваться, если потери в танках у нас будут одинаковы. У Гитлера тогда вырвалась фраза: “Если бы я знал, что у русских действительно имеется такое количество танков, которое приводилось в вашей книге (речь идет о книге Г. Гудериана “Внимание, танки”, выпущенной в 1937 году, - Э.И.), я бы, пожалуй, не начинал эту войну”⁵.

Генерал Гудериан забыл, что из ставки Гитлера “Вольфшанце” в Восточной Пруссии прибыла неразлучная пара-начальник штаба верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель и начальник штаба оперативного руко-

водства штаба верховного главнокомандования вермахта, один из главных советников Гитлера по оперативно-стратегическим вопросам генерал-полковник Альфред Йодль.

В воспоминаниях В. Кейтеля мы находим такие строки: "Вскоре после первых победоносных сражений вновь возникли трения между Гитлером и главнокомандующим сухопутными войсками. Стратегически идея Гитлера отличалась от идеи ОКХ. В то время как оно всей концентрированной силой группы армий "Центр" преследовало цель захватить Москву и овладеть Валдайской возвышенностью, через которую поддерживалась связь с Ленинградом, Гитлер желал остановиться на общей линии Одесса - Орел - Смоленск - Чудское озеро и, ослабив эту наиболее крупную группу армий за счет сокращения ее численного состава и танковых соединений, сначала посредством значительного усиления группы армий "Юг", отобрать у противника Донецкий бассейн, нефтяные месторождения Майкопа и Краснодара, а действиями усиленной группы армий "Север" взять Ленинград и установить коммуникации с Финляндией... Вопреки этому, ОКХ было убеждено в том, что ключом (к быстрому окончанию войны) служит его предложение. Фиюрер отнюдь не был в этом уверен. Он решил лететь в группу армий "Центр" (Борисов), куда приказал явиться командующим танковых групп Готу и Гудериану. Я сопровождал Гитлера и присутствовал на этом совещании с командующим группой армий "Центр" фон Боком и его танковыми генералами, которых Фиюрер первыми (во всяком случае, одного из них) хотел повернуть к обеим соседним группам армий. Однако он натолкнулся на их единый фронт отказа..."⁶

Что же ответил Гитлер, выслушав своих генералов? Он выступил перед ними с длинной речью, в которой дал подробную характеристику текущего момента. В начале этой речи Гитлер признался, что планы Англии в настоящее время определенно невозможны. Фиюрер обратился к своим слушателям со следующим вопросом: "Ограничится ли британский противник тем, что будет продолжать войну на изнурение, или же попытается высадить силы на Пиринейском полуострове либо в Западной Африке?" Отвечая на этот вопрос, Гитлер подчеркнул: "Для отражения таких попыток высадить десант, а также для других целей необходимо держать наготове высокоманевренные резервы. Для этого служат две танковые дивизии, находящиеся на родине, и вновь формирующиеся танковые соединения. На оснащение последних идет масса производимых двигателей. Несмотря на это, продумывается вопрос о том, чтобы отказаться в пользу удовлетворения потребностей Восточного фронта от месячной продукции в двигателях для вновь формирующихся соединений плюс 30 процентов от числа двигателей, идущих для других целей. В результате можно было бы за один раз предоставить 400 новых двигателей для 2-й и 3-й танковых групп. Однако решение может быть принято лишь после решения ряда других вопросов".

Присутствующие на совещании немецкие военачальники с нетерпением ждали, когда верховный главнокомандующий войсками вермахта перейдет к оценке боевых действий на Восточном фронте. Особенно их волновал следующий вопрос: поддержит ли Фиюрер их план предстоящего наступления на Москву.

Первые же слова Гитлера по этой проблеме разочаровали, как генерал-фельдмаршала Бока, так и генерал-полковников Гудериана и Гота. Что же конкретно сказал Фиюрер?

Отметив, что для принятия решений о продолжении операций определяющей является задача лишить противника жизненно важных районов, Гитлер подчеркнул: "Первая достижимая цель - Ленинград и русское побережье Балтийского моря в связи с тем, что в этом районе имеется большое число промышленных предприятий, а в самом Ленинграде находится единственный завод по производству сверхтяжелых танков, а также в связи с необходимостью устранения русского флота на Балтике. Следует занять Эстонию и русские острова в Балтийском море... После этого все находящиеся там авиационные силы и значительная часть группы армий "Север" будут переданы в распоряжение группы армий "Центр".

Главнокомандующий вооруженными силами Германии важное место в своей речи уделил необходимости быстрого захвата Украины. По мнению Гитлера, на втором месте по важности для противника стоит юг России, в частности Донецкий бассейн, на-

чаяя от района Харькова. Там расположена вся база русской экономики. Овладение этим районом неизбежно привело бы к крушению всей экономики русских. Поэтому Гитлер предложил повернуть крупные силы группы армий "Центр" на юго-восток.

В конце своей речи фюрер пришел к неожиданному для всех присутствующих выводу. Он сказал: "В соответствии с изложенным район Москвы по своей важности для противника стоит лишь на третьем месте. Поэтому операция в юго-восточном направлении представляется первоочередной, в то время как на восточном направлении пока, очевидно, лучше избрать оборонительный способ действия".

Следует заметить, что Гитлер воздержался от принятия окончательного решения о продолжении операций (включая операцию в районе Гомеля). Независимо от этого, считал он, 2-ая армия осуществит операцию в районе Рогачева, чтобы сократить линию фронта и высвободить силы.

После совещания в Борисове 4 августа 1941 года полковник Хойзингер сделал доклад о нем своему непосредственному начальнику - начальнику генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковнику Гальдеру и другим ответственным работникам генштаба. По мнению Хойзингера, выводы фюрера содержали: 1) обоснование причин, по которым он задерживает поставку войскам танков; 2) уже известную точку зрения фюрера в отношении характера продолжения операций (он придает особое значение Ленинграду, а также захвату южных районов - уголь, железо, уничтожение воздушной базы противника в Крыму; овладению Москвой фюрер не придает никакого значения).

К сожалению, у нас нет полных записей бесед Гитлера с представителями германского генералитета в Борисове в августе 1941 года, но есть основания полагать, что он был серьезно обеспокоен силой сопротивления Красной Армии, однако никогда не признался бы в этом профессиональным солдатам. Тень Наполеона витала над головой Гитлера, как и над каждым немецким офицером на восточном фронте, и главнокомандующий войсками вермахта был исполнен решимости не поддаваться искушению начать марш на Москву, пока не создаст (как он считал) надежные стратегические предпосылки. И еще. Именно в Борисове на совещании с фон Боком Гитлер разрабатывал свой неслыханный по варварству план уничтожения столицы Советского Союза. Адьютант начальника оперативного отдела штаба фон Бока Фабион фон Шлабрендорф сохранил в своих записях содержание беседы Гитлера с Боком в Борисове. "Гитлер, - пишет Шлабрендорф, - обсудил свой план захвата Москвы. В этот город не должен вступить ни один немецкий солдат. Москву следует окружить так, чтобы из нее не вышли ни русские солдаты, ни гражданское население. Будут приняты меры для того, чтобы затопить Москву и ее окрестности... Там, где сегодня Москва, возникнет огромное озеро, которое навсегда скроет столицу русского народа".

Почти четверть века тому назад, в 1966 году, на экраны вышел документальный фильм Михаила Ромма "Обыкновенный фашизм". В нем есть уникальные кадры немецкой кинохроники: Гитлер вместе с Муссолини на развалинах Брестской крепости. Но сразу же встает вопрос: когда это было и в связи с какими обстоятельствами?

В 1980 - х годах автором этих строк была изучена большая литература на русском, белорусском, немецком и английском языках, материалы периодической печати, разнообразные источники, в том числе белорусские националистические издания, выходившие в Белоруссии и Берлине в годы Великой Отечественной войны. Были просмотрены уникальные материалы, находящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь, Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны, Белорусском государственном музее кинофотофонодокументов.

Так, в 1967 году в Минске в издательстве "Беларусь" вышла книга В. Михайлова и В. Романовского "Нельзя простить", в которой приведены два кадра немецкой кинохроники о пребывании Гитлера и Муссолини в Брестской крепости. Но конкретно о времени их пребывания там написано расплывчато: "лето 1941 года". Но ведь лето - это июнь, июль, август. Когда же Гитлер и Муссолини были в Бресте?

Я сразу же исключил июнь и две декады июля, когда в Брестской крепости еще шли бои. По моим расчетам получалось, что Гитлер мог быть в Брестской крепости с

20-х чисел июля до конца августа 1941 года.

Внимательно изучаю мемуары немецких генералов. Передо мной первая книга третьего тома "Военного дневника" начальника Генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковника Франца Гальдера. Ищу сообщения, связанные с Муссолини. В записях за 20 августа 1941 года есть такие строки: "Генерал Герке докладывает по вопросу, связанному с визитом Муссолини... Генерал Вагнер... Ведется подготовка к визиту Муссолини". Наконец, в записях за 25 августа 1941 года нахожу то, что искал: "15 - 30 - визит дуче (Муссолини). Он прибыл в штаб-квартиру ОКХ в качестве личного вояжа фюрера. Ему была организована встреча на вокзале". В заключение у Главкома (главнокомандующего сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршала Вальтера фон Браухича-Э.И.), состоялся чай. Муссолини посетил оперативную комнату оперативного отдела. Начальник связи сделал ему доклад.

Возникает вопрос: где находилась штаб-квартира ОКХ? Там же, где и Ставка Гитлера - в Восточной Пруссии. Верховное командование во главе с Гитлером в начале Великой Отечественной войны переехало из Берлина в новую Ставку. Эта Ставка была построена специально для руководства операциями против Советского Союза. Она находилась в Восточной Пруссии, недалеко от города Растебург, рядом с системой Нагурских озер. В Ставке было несколько зон. Одну из таких зон занимал ОКВ штаб Верховного главнокомандования вермахта. Неподалеку, под городом Ангербургом, в таких же помещениях располагался Генеральный штаб сухопутных войск (ОКХ) во главе с Гальдером и штаб Люфтваффе (военно-воздушных сил).

Если первые недели войны Гитлер был убежден, что вермахт сам быстро разобьет Красную Армию, то к концу августа его взгляды изменились: Он начал сознавать, что нельзя победить во Востоке без помощи союзников: Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии и других стран.

В свою очередь диктатору Италии Бенито Муссолини хотелось вместе с Гитлером диктовать свою волю побежденным народам. Он мечтал о возрождении Римской империи, называл себя потомком Юлия Цезаря. "Наша империя навсегда потеряна, путь к ее восстановлению идет через Советский Союз. Мне нужно несколько тысяч мертвых, чтобы сесть за стол победителей", - запальчиво восклицал дуче. И вот он уже фотографируется с фюрером на развалинах Брестской крепости.

Гитлер и Муссолини в Брестской крепости. Но когда это было? Как отмечается в третьем томе "Истории Италии" (М.1971), в августе 1941 года Муссолини вместе с Гитлером осмотрели развалины Брестской крепости, а затем они приняли парад итальянских частей в районе Умани.

Уже известно, что Гитлер и Муссолини посетили Восточный фронт после 25 августа 1941 года. Просматриваю сотни белорусских националистических газет, и журналов периода 1941-1942 годов. Передо мной "Ранца Беларускага газэта у Нямеччыне", которая выходила в Берлине три раза в месяц. На первой странице номера за 10 сентября 1941 года помещена фотография Гитлера вместе с Муссолини со следующей надписью: "Нямецкія жаўнеры горача вітаюць Гітлера і Мусаліні, адвадаўшага Усходні фронт. У часе гэтых адвадаўняў былі абгавораны ваенныя і палітычныя справы".

Чтобы установить точную дату пребывания Гитлера и Муссолини в Брестской крепости, я решил обратиться в мемориальный комплекс "Брестская крепость-герой" к его директору Павлу Нестеровичу Панасюку. В ответном письме он сообщил, что приезд Гитлера и Муссолини в Брестскую крепость датируется 26 августа 1941 года, что полностью совпало с результатами моих исследований. После этого они отправились под Ленинград, в штаб группы армий "Север".

Кадры немецкой кинохроники запечатлели Гитлера и Муссолини на выставке боевой техники на фоне Тереспольских ворот Брестской крепости. Их гидом стал фельдмаршал фон Клоге. "Мы никак не ожидали, - рассказывал он, увлекая гостей в руины Брестской крепости, - что именно здесь, возле границы, русские задержат вермахт почти на целый месяц. Форсировав Буг, танки рванулись вперед, но вскоре пришлось отозвать их обратно - в помощь инфантерии. Из Германии на особых плат-

формах вывезли шестимиллиметровые пушки, чтобы они похоронили русский гарнизон в развалинах этой крепости...”

В 1991 году в издательстве “Беларусь” вышел в свет фотоальбом Владимира Шнаревича “Я - крепость, веду бой...”, в котором помещены снимки о пребывании Гитлера и Муссолини в Брестской крепости. Эти кадры есть в документальном фильме “Восточный фронт сражается” (производство “Беларусьфильм”, 1989 г.).

Последним, незаконченным романом писателя В. Пикюля стал роман-размышление “Барбаросса”. В нем есть такие строки: “24 августа (1941 года — Э.И.) Муссолини встретился с фюрером в Бресте, где была расположена личная ставка Германа Геринга... Два диктатора, дуче и фюрер, запечатлели нерушимый союз на фоне развалин Бреста множеством фотоснимков, что весьма льстило тщеславному Муссолини...”⁹

В 1999 году вышла фундаментальная монография “Муссолини”. Ее автор - Джаспер Ридли отмечает: “В конце августа (речь идет о 1941 году — Э.И.)... Гитлер пригласил Муссолини на четырехмоторном самолете “Кондор” посетить ставку фельдмаршала Гюнтера фон Кляге и фельдмаршала Альберта Кессельринга под Брестом”¹⁰

Данные разнообразных источников свидетельствуют, что В. Пикюль ошибался. Посещение Гитлером и Муссолини Брестской крепости произошло 26 августа 1941 года, а не 24 августа 1941 года.

В начале 1993 года “Военно-исторический журнал” опубликовал очень интересный и важный документ “Собственноручные показания начальника личной охраны Гитлера группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции Раттенхубера Ганса от 28 ноября 1945 г.”. Вот что свидетельствовал главный телохранитель фюрера в разделе “Охрана Гитлера во время его выездов за границу и на фронт”: “В отношении поездок Гитлера на фронт могу показать следующее: Во время войны с Советским Союзом в 1941—45 гг. Гитлер вылетал в г. Брест и Умань, в районы городов Риги и Минска, в Мариуполь к фельдмаршалу Клейсту, в Полтаву, к фельдмаршалу Рейхенау и в Смоленск к фельдмаршалу Кляге. В 1943 г. Гитлер вылетал в Запорожье к фельдмаршалу фон Манштейну и вторично посетил фельдмаршала Кляге в Смоленске. ... Гитлер и Муссолини посетили в Брест-Литовске только крепость. За время посещения крепость была окружена “батальоном сопровождения фюрера и закрыта для проникновения туда военнослужащих и гражданских лиц. Я уже указывал, что Гитлер и Муссолини ездили каждый в своем отдельном спецпоезде. Полеты в Брест и Умань также совершались в разных самолетах, ибо по этому поводу имелось специальное указание Гитлера. Пилотом для Муссолини Гитлер назначил своего шеф-пилота генерал-лейтенанта Баура, а самолет Гитлера вел полковник Дольди. Во время автомобильных поездок Гитлер и Муссолини сидели в кузове вместе. Рядом с шофером Кемпкой обычно сидел в той же машине адъютант Шraub или Шмидт”¹¹.

Меня давно интересовал вопрос: был ли Гитлер в Минске?

И хотя документальный фильм о маршале Рокоссовском, прошедший в свое время на наших экранах, показывает облет Гитлером Минска на самолете 4 июля 1941 года, я и сегодня не могу утвердительно ответить на этот вопрос. Мною изучен огромный документальный материал, проведены беседы с сотнями людей, но, к сожалению, нет никаких свидетельств или сообщений о пребывании Гитлера в Минске. Известно о приезде Гимлера, Розенберга, Кессельринга, но не Гитлера. В показаниях Г. Раттенхубера отмечается, что в 1941 г. Гитлер вылетал в “районы городов Риги и Минска”. Что имел в виду начальник личной охраны Гитлера под этими словами? Есть основание предположить, что под одним из “районов города Минска” Г. Раттенхубер имел в виду город Борисов, куда Гитлер вылетал в начале августа 1941 года.

В “Менской газете” (“Минскер цайтунг”) была рубрика “Менская навья”. В номере за 23 сентября 1941 года в этой рубрике сообщалось, что “генерал-фельдмаршал Кессельринг затрёмася коратка ў Менску і гутарыў пры гэтай аказіі з Генеральным камісарам Беларускага гауляйтэрам Вільгельмам Кубэ пра некаторыя наадзеныя пытанні”.

Я привел это сообщение, чтобы показать, что белорусские националистические и немецкие газеты того времени обязательно поместили бы сообщение о приезде фюрера в Минск, если не сразу, то спустя некоторое время.

Есть и другое интересное свидетельство. Исследователям второй мировой войны хорошо известно имя скрупулезного и авторитетного ученого-историка Д. М. Проктора. В 1972 году в издательстве «Наука» вышло в свет второе, дополненное и доработанное издание его фундаментальной монографии «Агрессия и катастрофа». В этой книге есть такие строки: «Особый поезд Гитлера двинулся вечером 20 июля из Растенбурга в первую поездку на оккупированную территорию Советского Союза. На следующий день в вагоне фюрера началось совещание с командующим группой армий «Север» фельдмаршалом Леебом и его помощниками».

В беседе с автором этих строк Герой Советского Союза Е. Г. Мазаник, работавшая горничной у В. Кубе в 1941-43 гг., отметила, что ничего не слышала о приезде Гитлера в Минск в 1941 году.

Таким образом, 4 июля 1941 года Гитлер не мог быть в Минске. Кроме того, боевые действия для германской армии развивались успешно и не было никакой необходимости в прибытии верховного главнокомандующего войсками вермахта в Минск.

Ну, а что же тогда с облетом Минска на самолете? Если считать этот факт подтвержденным, то это произошло не ранее сентября 1941 года.

Был ли Гитлер в других местах Беларуси?

Мне удалось встретиться со старшиной в отставке, помощником командира взвода управления военно-топографической службы № 5 при штабе Западного фронта Ерофеем Павловичем Шпаковым, 1915 г. рождения, проживавшим в г. Минске. В годы Великой Отечественной войны эта служба находилась при штабе Западного, а потом 3-го Белорусского фронта. По словам Е. И. Шпакова, наши фронтовые разведчики видели Гитлера в броневомobile в 1942 году на территории Кричевского района Могилевской области, когда он направлялся на совещание в поселок Шумячи (недалеко от Рославля).

Во время битвы за Москву Гитлер бывал в м. Красном (недалеко от Смоленска). Тогда, осенью 1941 года, он пролетал и проезжал через территорию Беларуси. Из показаний Г. Раттенхубера видно, что, посещая фельдмаршала Кляге в Смоленске в 1941 г., Гитлер пролетал через Беларусь.

Когда под Винницей была создана фронтовая Ставка Гитлера, он, вылетая из «Вольфшанце», неоднократно пролетал над белорусской землей.

Остается надеяться, что, когда наши исследователи получат доступ к секретным военным архивам и архивам государственных служб безопасности на территории России, Беларуси и Украины, а также к немецким архивам в Кобленце и других городах Германии, мы полностью раскроем одно из «белых пятен» белорусской истории — пребывание Гитлера в Беларуси.

Имя Гитлера, как и всех фашистов, мы произносим с омерзением. Но историк не должен поддаваться эмоциональным всплескам, а призван опираться на документальные факты, что мною и сделано в данном материале. Из него мы видим, как вынашивались сумасбродные планы по уничтожению населения и целых городов, с каким коварным врагом мы сражались, победили и очистили свою землю и земли многих стран Европы от коричневой чумы.

1. Nicolau v. Below. Als Hitlers Adjutant 1937—1945. Mainz, 1980. S. 286—288.

2. Безыменский Л. А. Германские генералы — с Гитлером и без него. М., 1961. С. 175.

3. Кларк А. Крах «блицкрига» (Clark A.). The Russian-German Konflikt 1941—1945. London, 1965. // От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. М., 1988. С. 81.

4. Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С. 84.

5. Гуасриан Г. Воспоминания солдата. Ростов-на-Дону, 1998. С. 172—173.

6. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против

СССР. Секретные речи. Дневники, воспоминания. Смоленск, 2000. С. 358—359.

7. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг. Том 3. М., 1971. С. 304.

8. Раница. Беларуская газета у Нямеччыне, 1941, 10 верасня (сентября). С. 1.

9. Пиккуль В. Барбаросса. Роман-размышление. Часть первая.

Площадь павших борцов. Рига, 1991. С. 198—199.

10. Ридли Д. Муссолини. М., 1999. С. 395.

11. Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С. 84, 87.

ПЕРАЙМЕНАВАННЕ ВУЛІЦ МІНСКА ЯК САСТАЎНАЯ ЧАСТКА ГЕРМАНСКОЙ АКУПАЦЫЙНАЙ ПАЛІТЫКІ Ў БЕЛАРУСІ (1941-1944)

І.І. Сацукевіч

г. Мінск, інстытут гісторыі НАН Беларусі

Агульнавядома імкненне любога таталітарнага рэжыму да абсалютнага кантролю над усімі сферамі грамадскага жыцця. Не стала выключэннем і германская палітыка на акупаваных беларускіх землях у час Другой сусветнай вайны. Нямецкая адміністрацыя імкнулася да поўнага кантролю над грамадзянскім насельніцтвам Беларусі, дзеля чаго выкарыстоўвалася не толькі вайсковыя, але і ідэалагічныя сродкі. Сярод апошніх неабходна вылучыць перайменаванне вуліц беларускіх гарадоў, якое відавочна засталася па-за ўвагай даследчыкаў гісторыі. Канешне, перайменаванне вуліц ступіла па важнасці такім прапагандысцкім мерам, як стварэнне арганізацый, выпуск газет ці правядзенне дэманстрацый, але ж сваю функцыю выконвала. Калі б было не так, не мела сэнсу распаўсюджваць на тэрыторыі Беларусі загад № 30 ад 22 кастрычніка 1942 года, згодна з якім паўсюдна, дзе захаваліся назвы вуліц з “савецкім значэннем”, яны замяняюцца на нейтральныя або непалітычныя [8, арк. 96]. Прааналізуем гэтую прапагандысцкую акцыю германскай улады на прыкладзе горада Мінска.

28 чэрвеня 1941 года ў Мінск увайшлі нямецка-фашысцкія захопнікі. На працягу трох год горад і яго жыхары знаходзіліся ва ўмовах жорсткага акупацыйнага рэжыму. Новыя вайсковыя і грамадзянскія органы ўлады ў кароткі тэрмін паставілі пад свой кантроль усе бакі гарадскога жыцця. Не засталіся па-за ўвагай акупантаў і назвы вуліц горада. У ліпені 1941 года палыява камандатура Мінскага раёна накіравала бургамістрам інструкцыю: “Назвы вуліц і плошчаў неабходна змяніць на непалітычныя. Спіс змененых назваў вуліц патрэбна спачатку адаць на зацвярджэнне палітому і мясцоваму камандантам” [4, с. 11]. Трэба заўважыць, што пад “палітычнымі” назвамі разумеліся тыя вуліцы, якім у 20-30-ыя гг. былі нададзены імёны савецкіх дзеячоў, рускіх паэтаў і пісьменнікаў, ці проста названыя ў гонар савецкіх арганізацый і святаў. Ужо ў верасні на старонках беларускіх газет з’явіліся новыя назвы, а даваенныя пазначаліся як былыя. Так, калі ў першым (21.09.1941) нумары “Менскай газеты” адрас рэдакцыі быў “вул. б. К. Маркса”, то ў другім — “вул. Адраджэння” [5, с. 1]. Відавочна, што ініцыятыва ў гэтым перайменаванні належала не нямецкай адміністрацыі, а беларускім нацыянальным колам, якія гуртаваліся вакол гэтай газеты. На жаль, недахоп дакументаў не дазваляе адказаць на пытанне, як палыява камандант стварыў гэтую спробу перайменаваць адну з цэнтральных вуліц Мінска.

Наступнае ўказанне бургамістру Мінскага раёну даслана 1 кастрычніка 1941 года:

1. Назвы вуліц павінны быць пададзены на дзвюх мовах, на першым месцы палітому, на другім — па-беларуску.
2. Усе назвы вуліц, якія адносяцца да бальшавіцкага часу, павінны быць, паколькі гэта яшчэ не адбылося, зараз жа зняты. Аа назваў вуліц імёнамі расейскіх паэтаў, дзяяччых дзеячоў, музыкантаў неабходна прыныцова ўхіляцца. Ранейшыя гэтыя вуліц назвы вуліц патрэбна змяніць.
3. Новыя назвы вуліц неабходна выбраць згодна наступнаму пункту гледжання:
 - а) агульная назва (Садовая. . .);
 - б) імёнамі беларускіх дзеячоў;
 - в) імёнамі нямецкіх паэтаў, палкаводцаў, музыкантаў і г.д.